

DOI: 10.19181/socjour.2025.31.4.9

EDN: RZHPWZ

В.В. ЗЯБРИКОВ¹, И.Б. МИКИРТУМОВ²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ).

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9.

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

(НИУ ВШЭ).

101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

СОРЕВНОВАТЕЛЬНАЯ КРЕАТИВНОСТЬ НА МЕСТЕ УСТАНОВОК ИНДИВИДУАЛИЗМА И КОЛЛЕКТИВИЗМА¹

Аннотация. В этой статье авторы ставят под вопрос актуальность оппозиции индивидуализма и коллективизма Герда Хоффстеде в эпоху цифровизации. Медиатизация труда вызывает размывание границ между реальным и виртуальным, сокращение непосредственных взаимодействий приводит к тому, что привычные аффекты теряют свою интенсивность. Авторы соотносят с индивидуализмом аффективную сборку обособления, соревнования и господства, а с коллективизмом — причастности, дружбы и удержания равновесия (справедливости). Их действенность рассматривается как признак актуальности соответствующих установок. На основе некоторых данных из литературы показывается, что нельзя сделать вывод о цифровизации как триггере индивидуализма. Указывается на такие дополнительные факторы, как эманципация, рост уровней образования и культуры. Их влияние, однако, не является специфическим, и установки индивидуализма и коллективизма превращаются в ситуативные паттерны поведения, поскольку они снимаются более высоким уровнем рациональности. В цифровой среде труда и досуга их аффективные сборки перестают переживаться как элементы идентификации. По мнению авторов, ведущим аффектом передовых групп становится всеохватывающая соревновательная креативность, предполагающая удовольствие от труда и вытесняющая аффекты борьбы, подчинения необходимости, испытания, долга. Рост рациональности, которому цифровизация способствует, лишает оппозицию индивидуализма и коллективизма информативности, тогда как оценки интереса и равнодушия, удовольствия и неудовольствия в труде и иных сферах активности могут оказаться более полезными для диагностики культуры.

Ключевые слова: индивидуализм; коллективизм; Г. Хоффстеде; соревновательная креативность; цифровизация; аффект; рациональность.

¹ В статье представлены результаты исследований по проекту РНФ 25-18-00208 «Экзистенциальный опыт в цифровой среде: “бытие к цифре”, онтология виртуального и человеческое Я», выполненных в НИУ ВШЭ в 2025 г.

Для цитирования: Зябриков В.В., Микиртумов И.Б. Соревновательная креативность на месте установок индивидуализма и колLECTИВИзма // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 4. С. 175–191. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.4.9 EDN: RZHPWZ

Введение

Теория индивидуализма и колLECTИВИзма (ИК) как установок социального поведения получила современный вид в работах Герда Хофтеде (см.: [7; 22]), предложившего модель идентификации культур по четырем шкалам, среди которых первой была шкала ИК, и Гарри Триандиса [32], разработавшего социально-психологическую концепцию ИК. Модель Хофтеде стала очень популярным эвристическим инструментом, так как содержащиеся в ней оппозиции индивидуализма и колLECTИВИзма, близости и удаленности от власти, маскулинности и фемининности, терпимости и нетерпимости к неопределенностям предлагали очень понятные метафоры и интуиции, ориентированные на задачи управления, не претендуя на полноценный научный характер. Погружение модели Хофтеде в социологию и социальную психологию привело к ее существенным модификациям. Сегодня научно корректной признана двумерная версия Минкова — Хофтеде, в которой сохраняется шкала ИК и которая обнаруживает большое сходство с «мировой картой ценностей» из проекта Рональда Инглхарта и Кристиана Вельцеля [7, с. 296]. В частности, шкале ИК соответствует на карте ценностей ось предпочтений самовыражения и выживания. В социальной психологии внимание было сосредоточено на сущности индивидуализма и колLECTИВИзма и на их измеримости вне кросс-культурного контекста. Результатом стала весьма далекая от представлений Хофтеде теория, в которой индивидуализм и колLECTИВИзм суть «культурные синдромы», проявления которых определяются психоэмоциональной конституцией человека, ходом его социализации и частными ситуациями принятия решений [33, р. 44, 48]. Авторы энциклопедии «Личность и индивидуальные различия» полагают, что вопрос о содержании индивидуализма и колLECTИВИзма остается открытым, так как в одних исследованиях они ортогональны друг другу, а в других — нет, и любому отношению содержаний сопутствует плохая воспроизведимость результатов эмпирических исследований [18, р. 2235]. Можно сказать, что кросс-культурная социология имеет дело с более или менее определенной концептуализацией ИК, в то время как социально-психологические работы, напротив, исходят из подвижности их содержания.

Затрагивающие труд и досуг социокультурные изменения последних 50 лет связаны прежде всего с медиатизацией и цифровизацией всех сторон жизни. Параллельно повышались уровни образования и общей культуры и происходила своего рода когнитивная эманципация: «способность суждения» обретают люди, ранее на нее не притязавшие. Каждое новое исследование ИК происходит теперь в среде, которая не только «помнит» о предшествующих исследованиях, но и по-новому проблематизирована вопросами анкет, неустранимо многозначными по своему содержанию. Это свидетельствует о нарастающей утрате «абсолютного» смысла ИК и о дефиците их идентифицирующей функции. Содержание ИК и связь человека с этими установками модифицируются всякий раз, когда

возникает необходимость, руководствуясь ими, принимать решение и совершать действие. И это значит, что индивидуализм и коллективизм работают не только как компоненты идентичности и идеологические принципы, но и — если следовать социально-психологической теории решений и действий, развивавшейся от Аристотеля до Сильвана Томкинса, — как аффекты.

В данной статье авторы высказывают ряд предположений и содержательно обсуждают их. Обращение к аффективной стороне ИК составляет ее специфику, а отправной точкой для рассуждения послужили слова Александра Аузана, которыми он резюмирует свой анализ соотношения индивидуализма и коллективизма в России: «Думаю, что цифровизация открывает новую неожиданную возможность, потому что она позволяет выявить арбитров, которых признает и та и другая культура» [1, с. 79]. Авторы статьи начинают с влияния цифрового труда на воображение, потом затрагивают философско-психологическую теорию аффектов и описывают связанные с ИК аффективные комплексы индивидуальной миссии и разделяемого долга. Затем обсуждаются данные из литературы, которые свидетельствуют о том, что цифровизация и индивидуализм возрастают сонаправленно, но не позволяют сделать определенные выводы о причинных отношениях между этими явлениями. После чего авторы переходят к предположению о том, что отмеченная Триандисом тенденция усиливается цифровизацией и вместе с другими факторами замещает оппозицию ИК рациональным поведением, в мотивации которого человек сам определяет баланс индивидуального и общего блага, так что установки ИК становятся лишь ситуативными стратегиями. Прежние аффективные комплексы вытесняются новым аффектом игры и состязания, позволяющим проявлять и индивидуалистские, и коллективистские реакции не только в труде, но и в прочих сторонах жизни. В той мере, в какой этот вывод справедлив, оппозиция ИК утрачивает информативность.

Цифровой труд и воображение

Труд в развитых обществах современного капитализма, как и сам этот капитализм, притягивает к себе яркие метафоры: цифровой [19], когнитивный [13], аффективный [23], «виртуозный» [34]. Первое означает ведущую роль компьютерных технологий, второе — возрастание оперирования знаниями и информацией, третье — коммодификацию внимания и эмоций, четвертое — возрастание степени уникальности вклада работающего. Будем называть труд, соединяющий в той или иной пропорции названные качества, цифровым, поскольку эта характеристика удачно отражает измеримую черту современного труда, а именно его медиатизированность, то есть осуществляемое с помощью интерфейсов информационных систем и иных средств дистанционной презентации опосредование взаимодействий с людьми, вещами и процессами.

Означаемым для этих репрезентаций становятся воображаемые объекты, отличие которых от объектов реальных перестает быть устойчивым. Само различие между реальным и виртуальным надежнее всего формулируется в терминах практики и деятельности, в нашем случае — трудовой, включающей и сопутствующую социальную активность. С тем, что воспринимается как реальное, мы ведем себя не так,

как с тем, что воспринимается как виртуальное. Например, непрерывная разливка стали, в которой человек непосредственно участвует, и компьютерная игра, которой он увлечен на досуге, связывают обязательствами различной степени направленности и интенсивности. И там и там можно быть невнимательным и легкомысленным, но, очевидно, с очень разными последствиями. Представим, что перед оператором разливки стали, сидящим в изолированном от шума, чада и жара помещении, находятся два монитора. На первом он видит параметры и схему производственного процесса, но не сам процесс, тогда как на другом (конечно, в нарушение всех правил) — интерфейс компьютерной игры. Сближение презентации некоторых черт реального и чисто виртуального здесь случайно, но в обоих случаях происходящее дано интерфейсом, так что непосредственно производимые человеком действия — отслеживание данных на мониторе, клики и нажатия на клавиши — одни и те же. Непосвященный наблюдатель мог бы в равной степени счесть оба процесса реальными или же, напротив, виртуальными. Психологическая же выгода состоит в замещении конфликтного реального, с которым приходится считаться, проекциями желаемого, не приносящими беспокойства. *Реальным оказывается то, цена игнорирования чего выше, в то время как виртуальное, напротив, может игнорироваться с меньшими издержками.* Мера допустимого задается субъектом как носителем желаний, направляемых воображением, которое под влиянием повседневной практики медиатизированного труда создает все более комфортную и далекую от реальности картину мира. Будучи аффективно значимой, она бесконфликтно сосуществует с противоречащими ей знаниями и прошлым опытом.

Способность различать реальное и воображаемое — фундаментальная черта рациональности. Ее коррозии мы в данном случае обязаны и характерным для современных богатых обществ аффектам, сопровождающим труд и иную социальную активность. Главным среди них является соревнование, «агон» за общественное признание [6], который вытесняет аффект вражды, включавший гнев, негодование, отчуждение, стыд и поддерживавший как универсальные рефлексию и критику, так и шедшую последние два столетия социально-классовую борьбу масс за эманципацию. Для обществ цифрового труда результатом замены вражды на соревнование становится отмеченное Люком Болтански и Эвом Кьяпелло единство сред перцепции, переживания аффектов и проявлений телесности [12, р. 436–437], уравнивающее то, что прежде было разделено на «свое» и «чужое», в частности, «свой» труд и «чужой» капитал. Ответом на это цифровой экономики становится расширение коммодификации человека, который востребован теперь во всех своих проявлениях, включая гражданско-политические [34]. Возрастает «рынок внимания», на котором обращаются любопытство, познавательная активность и эмоции [2; 24], а само потребление — например, IT-продуктов, социальных сетей, услуг платформ — становится вкладом и в общественное благо [13, р. 55], и в капитал IT-корпораций [14]. Производитель сливаются с потребителем, появляется так называемый *prosumer* [19, р. 287, 292–293], который участвует в этом процессе охотно и во взаимодействиях с интерфейсами информационных систем производит в известном смысле сам себя.

Все названное вызывает трансформацию воображения, то есть нашей способности формировать образы вещей, явлений и мира в целом, общим вектором которой является *смешение реального и виртуального*.

Аффективные сборки индивидуализма и колLECTИВИзма

Теория аффектов впервые была сформулирована Аристотелем, и аффект (страсть) в ней определялся как то, под влиянием чего люди изменяют свои решения. Современная психологическая теория аффектов и эмоций была сформулирована в работах Сильвана Томкинса и его школы (см.: [31]). В этой теории в аффекте различают осознаваемые и неосознаваемые (некогнитивные) реакции. Первые регулируются при выстраивании рационального поведения, вторые инстинктивны, действуют вне нашего контроля — «автономно» [26]. Осознаваемый аффект имеет четырехчастную структуру: (1) положение дел (факт); (2) его модуляция (позитивная или негативная); (3) желание, знание, убеждение, вера и иные установки; (4) решение и соответствующее ему действие, от осуществления которого ожидается снятие аффекта. Базовые реакции Томкинса таковы: интерес, удовольствие, удивление, страх, гнев, горе, стыд, презрение и отвращение. Их список неокончателен, допустимы вариации, а их сочетания друг с другом и с ситуациями порождают бесконечное количество аффективных комплексов [31, р. 649]. Например, внезапное увольнение группы сотрудников фирмы вызывает аффекты негодования, солидарности и страха у оставшихся, опыт подсказывает им, что дела идут неважно и новые увольнения весьма вероятны. Вследствие этого одни решают показать себя ценныхми сотрудниками, другие начинают искать новое место работы, трети рассчитывают на удачу и не меняют своего поведения, четвертые организуют профсоюз и готовят требования к работодателю. Разные реакции обусловлены как рациональным выбором, отражающим обстоятельства каждого работника, так и некогнитивными факторами. В теории аффектов существует консенсус относительно того, что начиная с чувственно-физиологических реакций, стимулы которых осознаваемы, и до аффектаций, вызванных осознаваемыми явлениями, все формы переживаний определяются социокультурным контекстом. Это значит, что в ходе социализации мы научаемся, во-первых, тому, на что вообще стоит реагировать, во-вторых, тому, как это делать (см.: [8]). В разные эпохи и в разных группах страх, гнев, негодование, надежда, стыд, любовь, соревновательность, зависть и проч. означают не одно и то же, то есть предполагают разные практики, а сложившийся опыт и традицию определенного переживания называют также эмоцией².

² В науке существуют иные подходы к изучению аффектов и иные версии соотношения аффекта и эмоции. Оставляем их в стороне, так как придерживаемся традиции, идущей от Аристотеля к Баруху Спинозе, Чарльзу Дарвину, Сильвану Томкинсу и современным течениям — «аффективному повороту» и критической теории эмоций. В данном случае некогнитивная сторона аффекта рассматривается как реакция, укорененная в телесной природе человека, и как сигнал, способность подавать который формируется в эволюции вида. Осознаваемый же аффект, во-первых, строится на основе некогнитивного, во-вторых, управляемся нами, будучи средством социального действия. Один из рецензентов статьи обратил наше внимание на работы, в которых эмоции соотносятся с ценностями (см.: [25; 29]). Эти исследования выполнены в рамках известной теории базовых ценностей Шалома Шварца [28; 30] и исследуют связь между теми эмоциями, которые люди указывают как желаемые, и теми ценностями, которые они при этом разделяют. Между тем в теории Томкинса аффект есть реакция, а его некогнитивная сторона — реакция телесная, то есть спонтанная и неуправляемая. Те эмоции (аффекты), которые мы хотим испытывать, — это уже аффекты осознанные, прошедшие через опыт и рефлексию, оформленные социокультурной средой как те или иные коммуникативные сигналы. Их соотношения с ценностями, представленные в указанных работах, есть своего рода взаимопереводимость, так как именно ценности формируют ту социокультурную среду, которая определяет, как и почему мы испытываем те или иные

На наш взгляд, цифровизация уменьшает роль некогнитивных факторов аффекта за счет того, что, во-первых, становятся более редкими непосредственные контакты между людьми, во-вторых, делается ненужным пребывание в рабочем помещении, в-третьих, медиатизируются предмет труда, его объект и производственный процесс, в-четвертых, медиатизируются сопряженные с трудом отношения. Нормы переживания аффектов могут при этом не меняться, но они более не контролируются постоянными непосредственными взаимодействиями, в которых работают именно некогнитивные факторы. Объект — будь то вещь, процесс или человек — перестает действовать как целое, так как медиатизация общения, как замечает Ева Иллуз, дифференцирует (расщепляет) другого, предъявляя в каждом случае разные его стороны и давая тем самым возможность иметь дело лишь с теми, которые приятны, в то время как на месте целого образуется воображаемый конструкт [3, с. 371–372]. Так, ослабевают узы обязательств, страхов и тревог, заданных личными отношениями, однако становятся более значимыми формальные, то есть там, где раньше можно было разрешить проблему, «инвестируя» усилия в личные связи, теперь важнее объективные факты. Это проявляется и в поддержании лояльности другому, группе, организации. В цифровой среде снижается интенсивность соперничества и зависти, подогревавшиеся презентациями успехов других, но при этом поле для них расширяется, так что оба аффекта воспроизводятся в ослабленном виде. Эмпатия приобретает более адекватный характер, теряет интенсивность и длительность, что отрицательно оказывается на сплоченности и солидарности, то есть дезинтегрирует группу, но защищает от злоупотреблений сочувствием. Уменьшается пространство для восторга и гнева, которые оправдываются как спонтанные реакции, но расширяется — для взвешенных одобрения и негодования. Слава и стыд теряют в интенсивности, и их мотивирующая значимость уменьшается. Иными словами, все то в аффектах, что основывается на непосредственных реакциях тебя и другого, уменьшает свое влияние.

Индивидуализм и коллективизм — это установки (паттерны, стратегии), которые реализуются в аффективных сборках. Горизонтальный или вертикальный характер ИК влияет на распределение веса между конкретными переживаниями. Для индивидуализма сборка формируется вокруг аффектов *обособления, соревнования и господства*, а для коллективизма — вокруг *причастности, дружбы и удержанния равновесия (справедливости)*. В обоих случаях целью конечных решений и действий является социальное признание. Их доцифровые версии хорошо представимы.

Индивидуалистическое обособление является ответом на зависимость или ожидаемые попытки подчинения. Оно имеет характер превентивного бегства, принятия на себя ролей и дискурсов, демонстрирующих сопротивление подчинению. В основе здесь находятся переживания сепарации от семьи, общины, сообщества, государства, поэтому аффект обособления является составным. В его структуре — страх остаться подчиненной частью целого, отвага вызова, надежда на успех. К nim

аффекты. Различаются в подходах Томкинса и Шварца и сами наборы аффектов. Так, в указанных исследованиях не делается различия между аффектом как реакцией, аффективным состоянием и когнитивно данным состоянием, между тем как, например, спонтанное проявление страха, постоянная встревоженность (ожидание страха) и рефлексия своего положения как опасного — это разные вещи, если нас интересуют именно реакции. Там же, где устойчивая аффектация есть симптом достижения ценного, это не так принципиально. Сопоставление подходов можно было бы продолжить, но для этого здесь, увы, нет места.

присоединяются соревновательность (ревность) — базовый аффект, обеспечивающий поощряемое обществом напряженное взаимодействие обособившихся индивидов между собой и с общественным целым и, наконец, господство. Последнее содержит низкий базовый аффект подавления другого и разворачивается по двум сценариям³. В первом к подавлению присоединяется возвышение себя как эстетизация реального или мнимого превосходства, снимаемая в славе, восхищении и удивлении со стороны других, во втором — служение другим, в котором индивид принимает на себя функции лидера и представителя. Иногда возвышение и служение совмещаются, и тогда на каждой из сторон происходит ослабление интенсивности. В обоих случаях стремление к господству подталкивает к соревнованию и подпитывается надеждой, что позволяет переживать индивидуалистическую установку как миссию обретения признания со стороны равно людей и воображаемых инстанций (божество, судьба, история, нация, революция, истина и т. п.). Рационализация этого комплекса аффектов зависит от социокультурного контекста и строится на нарративах в диапазоне от избранника богов, вождя народа, гениального интеллектуала, морального авторитета и «перста истории» до баловня судьбы, удачливого игрока, «подпольного миллионера» и т. п. Аффекты индивидуализма, переживаемые публичным политиком и «подпольным миллионером», различны лишь в формах снимающего их признания. Для первого важно одобрение обществом решений и поступков, совершенных в перспективе такого одобрения и общего блага, а для второго инстанцией признания становится он сам, когда ему удается подчинить других людей своей власти без того, чтобы они об этом знали. Любой человек и любой роли в состоянии примерить аффективную сборку индивидуализма и оценить оправданность погружения в нее в конкретной ситуации.

Коллективистская сборка аффектов — причастность, дружба, удержание равновесия — строится не как противоположность индивидуалистской. Причастность по своей эмоциональной модуляции позитивна, а страх остаться без защиты сообщества возникает лишь в редкие моменты, когда последнему грозит распад или сам индивид может быть им отторгнут. Интенсивность, с какой индивидуалист стремится избежать контроля сообщества, намного выше, так как его стремление к сепарации «социетарно», а не «фамилиарно», тогда как коллективистская причастность воспроизводит паттерны семейных отношений, питаемых некогнитивными аффектациями. Индивидуалистическая стратегия эмоционально более затратна в любом обществе, но более всего — в традиционном, и «цена» причастности всегда ниже «цены» обособления. Но коллективистская кооперация переживается когнитивно сложнее, так как в ней соединены несколько аффектов. Классическая «дружба» Аристотеля — это отношение между гражданами его идеального государства, они взаимно желают друг другу блага и стараются его доставить. Это значит, что каждый должен уметь соразмерять меру свобод и обязанностей, доходов и издержек для себя и других с усердием в делах государства, то есть “commonwealth” у Томаса Гоббса, культивировать в себе гражданскую гордость и справедливость в аффектах одобрения и негодования, подавлять зависть и злобу в пользу соревнования и эмпатии. Здесь можно увидеть два

³ Аффект подавления (насилия) — это некогнитивная и неуправляемая реакция, которую человек может проявлять в некоторых ситуациях. Он относится к низким аффектам, то есть к таким, в которых людям стыдно признаваться. Напротив, господство — осознаваемый составной аффект, переживая который мы подчеркиваем, что власть интересна нам не сама по себе.

типа соревнования. То, которого хочет индивидуалист, тем больше соответствует его установке, чем меньше в нем правил, ибо всякое правило вводится для общего, а не для частного блага. Дружественность же целиком состоит в следовании правилам, причем контролируемым неформально. Управление этим комплексом аффектов ведется в перспективе достижения и удержания равновесия отношений или справедливого баланса благ и сил, а общественное признание приходит тогда, когда в индивиде видят источник регуляции такого равновесия. Сообщество, где всякий есть такого рода источник, — это идеальный коллектив, и его образ содержится в самом аффекте удержания равновесия, придавая ему эстетический характер, как это можно увидеть в политической утопии Платона, являющейся образцом вертикального коллективизма. Отметим, что для индивидуализма эстетизация характерна в нарративах, объясняющих личную миссию и имеющих поэтому исторический, а не онтологический характер.

Формулы переживаний аффективных сборок индивидуализма и коллективизма кратко можно выразить так: «личная миссия» и «разделяемый долг».

Цифровизация и индивидуализм

Начнем со связи между цифровизацией и показателями ИК. Известно, что общества с высоким уровнем индивидуализма при прочих равных условиях быстрее и легче осуществляют цифровизацию [23; 27]. Имеет ли место обратная зависимость? На рисунке 1 представлена динамика индекса индивидуализма для России и Китая за последние 35 лет по данным, содержащимся на сайте Хофстеде⁴. В России начало «цифровой эры» можно условно отсчитывать с 2000 г., в Китае она наступает несколько позже, а пандемия COVID-19 способствовала повсеместному и резкому повышению показателей цифровизации. В целом создается впечатление, что рост индивидуализма и распространение цифровых технологий коррелируют друг с другом, но корреляция эта возникла недавно.

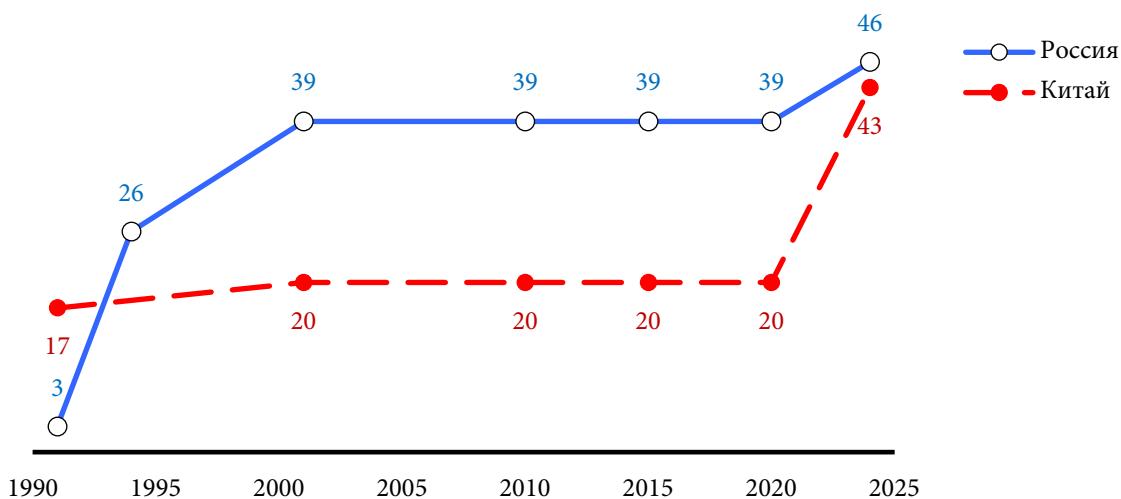
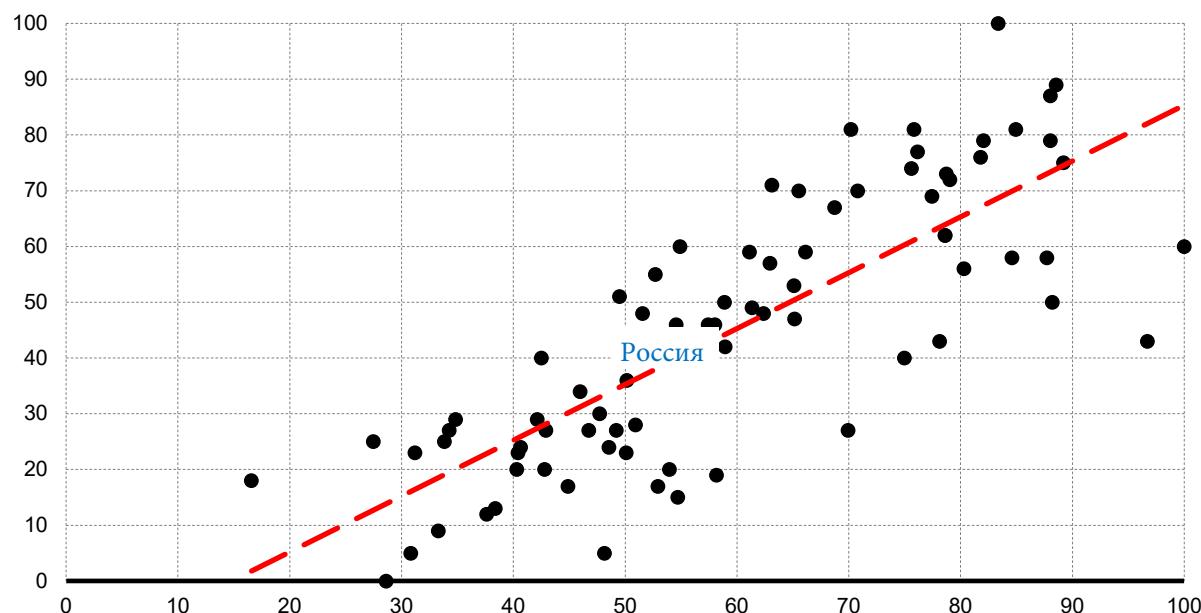

Рис. 1. Динамика индекса индивидуализма (макс — 100 баллов) в России и Китае по данным Г. Хофстеде

⁴ Данные 1991 г. [10], данные 1994 г. [11], данные 2001, 2010, 2015, 2020, 2025 гг. — сайт Хофстеде. — URL: <https://www.theculturefactor.com/country-comparison-tool> (дата обращения 10.06.2025).

Это предположение подтверждается следующими данными. В 2017 г. коэффициент корреляции между Digitalization Index (DiGiX) и индексом индивидуализма Хофтеде (IDV) составлял лишь 0,6 [15], в 2020 г. коэффициент корреляции между индексом цифровой эволюции (DEI) и IDV был примерно таким же — он составлял 0,58. В постпандемийный 2024 г. этот же коэффициент между индексом цифровизации Global Digitalization Index (GDI) и IDV стал равным уже 0,82 [21]. Такой же результат был получен в 2025 г. и по индексу DEI: коэффициент корреляции между DEI и IDV составил 0,8 (см. рис. 2). Таким образом, показатели 2024 и 2025 гг. преодолели пороговое значение, и сейчас связь цифровизации и индивидуализма может быть оценена как сильная.

**Рис. 2. Зависимость IDV (ось Y) от DEI (ось X) в 2025 г.
по данным центра Университета Тафта [17]**

Примечание. Россия отмечена на рисунке кружком с координатами DEI = 58,02, IDV = 46.

Особое поведение в последние 5 лет продемонстрировали четыре «восточноазиатских тигра»: Южная Корея, Гонконг, Сингапур и Тайвань. К началу пандемии в 2020 г. эти страны имели средний DEI в 88 баллов, тогда как IDV в среднем составлял 20 баллов. За период пандемии средний уровень DEI не изменился, но IDV резко вырос (см. рис. 3).

Если изъять эти страны из общего списка стран, для которых в 2020 г. определялись оба индекса, то коэффициент корреляции DEI и IDV вырастет с 0,58 до 0,76, что близко к значению коэффициента корреляции по всем рассматриваемым странам в 2025 г., равному 0,80. Таким образом, слабая корреляция индексов DEI и IDV объяснялась учетом данных по странам-исключениям — «восточноазиатским тиграм».

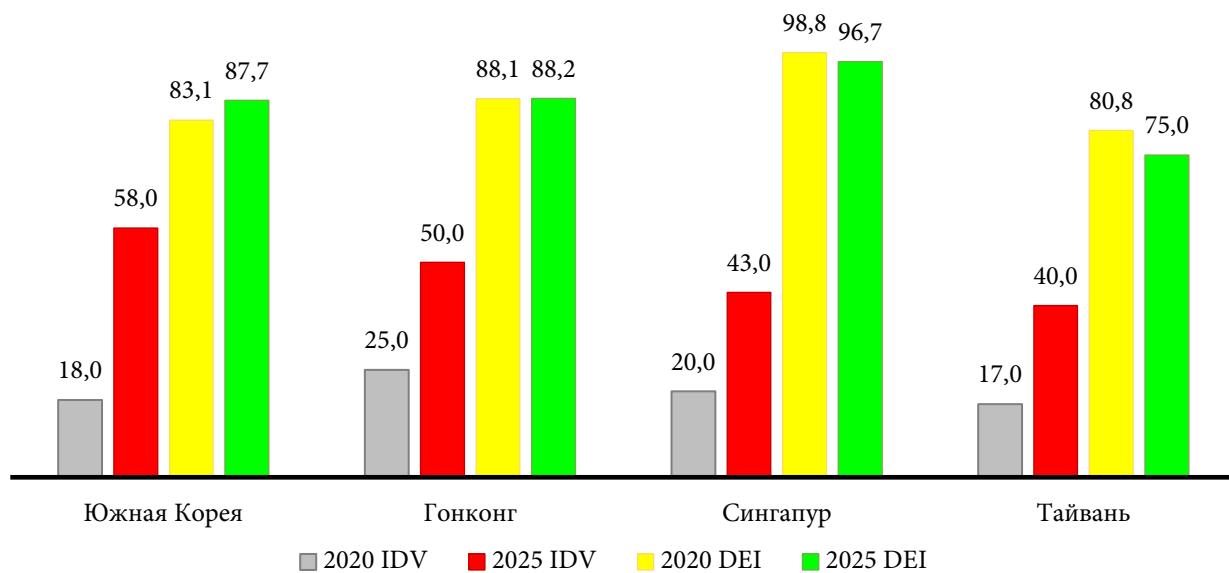

Рис. 3. Связь IDV (два левых столбика для каждой страны) и DEI (два правых столбика для каждой страны) в 2020 и 2025 гг. для «восточноазиатских тигров»

Если теперь обратиться к данным по 69 странам, по которым имеется полная информация о значениях IDV и DEI за последние пять лет, то для 67% стран знаки прироста обоих индексов по времени совпадают, причем в 52% с 2020 по 2024 г. выросли оба индекса, то есть в период пандемии в этих странах нарастили уровни индивидуализации и цифровизации, а в 15% — оба индекса убывали. У стран — соседей России по индексам деловой культуры Хоффстеде, к которым, за вычетом постсоветских стран, относятся Португалия, Южная Корея, Испания, Греция и Турция [4, с. 107–108], имеется одинаковая сонаправленная динамика и по IDV, и по DEI. Индекс IDV исходно был невысок, а с 2020 по 2024 г. вырос в среднем на 21 балл (в России — на 7 баллов). В этот же период индекс DEI увеличился в среднем на 3 балла (в России — на 5,2 балла)⁵.

Итак, с одной стороны, данные не позволяют считать цифровизацию триггером индивидуализма, хотя в 2/3 стран их индексы растут и падают сонаправленно, и при этом есть страны, где прирост индивидуализма не сопровождается значимым приростом цифрового развития и вызван, видимо, другими обстоятельствами. С другой стороны, можно предположить, что для возрастания индивидуализма цифровизация есть, как правило, необходимое, но недостаточное условие, и на индивидуалистические или коллективистские проявления влияют, во-первых, иные долгосрочные процессы и, во-вторых, конкретные ситуации (например, та же пандемия).

Долгосрочными в нашем случае являются коррелирующие между собой рост благосостояния и уровня образования [20], а также интересующая нас цифровизация труда. Эти процессы влекут рост общих гражданских компетенций, то есть переход большинства членов общества на более высокий уровень политической, правовой и общей культуры, возрастание рациональности, а значит, степеней ин-

⁵ Данные IDV с сайта Хоффстеде. — URL: <https://www.theculturefactor.com/country-comparison-tool> (Дата обращения 10.06.2025). Данные DEI за 2020 г. — [16].

дивидуального выбора и ответственности. Еще Георг Зиммель говорил о том, что в тех видах труда и социальных связей, в которых личные качества значат больше, нежели успешная коопeração и следование традиционному укладу, появляется соревновательность, а с ней и понятие об индивидуальной чести и заслугах. Он имел в виду прежде всего торговлю, но относил к росту индивидуализма также личностные проявления, поднимавшие человека над классовыми и сословными стандартами, в частности достижения в спорте. С ростом разделения труда и денежного обмена действует «общая социологическая корреляция между размытием группы и формированием индивидуальности» [29, S. 377–378, 382], что, однако, при машинном производстве приводит к деиндивидуализированному труду и к жизни в окружении «безличных» вещей, которая вызывает «оппозицию» [29, S. 520], подталкивающую к попыткам обретения индивидуального. Таким образом, здесь имеем дело с двумя факторами: с продолжающейся эманципацией масс и с цифровизацией труда как новой ступенью его разделения, что согласно корреляции, указанной Зиммелем, стимулирует индивидуализм. Наконец, можно предположить, что люди, занятые цифровым трудом, считут себя большими индивидуалистами просто исходя из своего образа жизни и коммуникации.

Всеохватывающая соревновательная креативность

Цифровизация облегчает и ускоряет передачу аффектов и координацию их переживания. Одновременно она принуждает к аффектам, поскольку сетевая коммуникация и ее интерфейсы предполагают выражение своих мнений и чувств и оценок чужих. Для так называемого аффективного капитализма [24] ресурсом является количество клиентов платформ и их активность, а не достоверность информации или ответственность говорящего. Девальвация достоверности сопутствует легкости, с какой возникают и исчезают общественные реакции и активности. Социально-конструктивный характер труда сопротивляется описанным тенденциям локально, опираясь на организационную культуру сообщества или института. Цель — вернуть значимость предметам коммуникации и серьезность переживаниям, и эта цель, как ни странно, легче достигается в современном труде как соревновании за признание, чем в сферах жизни за пределами труда. Отмечаемое размывание границы между трудом и досугом происходит не вследствие коммодификации всех сторон жизни, но потому, что именно в труде человек сегодня может достичь самореализации, как жизненная практика труда поэтому интереснее всех прочих. Эта мотивация приходит на смену протестантскому по своему происхождению отношению к труду как к испытанию, тем более что, как замечает Джейф Малган, в современной экономике на первом плане оказываются не вещи, а отношения, в которых проявляется человеческое, так что не труд порабощает досуг, но, напротив, культивируемые обычно в частной жизни отношения все больше востребованы в труде и социальных отношениях [5, с. 226–227, 279]. Иными словами, не человек испытывается в труде, но самому труду задается вопрос о человеческом характере его процесса и результата. Этой тенденции способствует дифференциация целого объекта в цифровой среде, упоминавшаяся выше, вследствие каковой социальные связи подкрепляются не только своей выгодно-

стью, но и доставляемым удовольствием, которое для цифрового труда признается едва ли не необходимым условием. Следует указать и на большое расширение возможностей выбора и смены профессии, формы занятости, а также на престиж труда, в котором (1) можно предпочесть удаленную работу «офису»; (2) присутствует прозрачный и формальный характер отношений лидерства и подчинения; (3) есть свобода выбора между индивидуалистской и коллективистской реакциями в конкретных ситуациях; (4) ничто не препятствует расширению социальных связей, участию во многих рабочих проектах и сообществах.

Названные возможности в целом индифферентны к установкам ИК. Так, в самых радикальных коллективистских сообществах сетевая активность и медиатизированный труд остаются индивидуальными, а уровни образования и культуры позволяют осознанно отстаивать свой коллективизм. Сокращение непосредственных взаимодействий может как формировать паттерны индивидуалистического поведения, подталкивая к самостоятельным оценкам рисков и решениям, так и усиливать стремление к коллективистским отношениям, дабы избежать всего названного. Когда коллективист увеличивает число своих контрагентов, он обретает дополнительный ресурс признания, который может поднять его над другими, так что горизонтальный коллективизм здесь уступит место вертикальному. В любой среде выбор удаленной работы демонстрирует индивидуалистскую ориентацию. Но когда в индивидуалистской среде такой выбор становится массовым, обычно воспринимаемый как коллективистский выбор «офиса», в котором формируется новое ядро группы, на самом деле реализует индивидуалистический выбор карьерного характера.

Наконец, нельзя не отметить подвижный характер ИК, когда от ситуации к ситуации люди могут по-разному проявлять себя, пробовать ту или иную стратегию поведения, извлекать уроки и в итоге лучше понимать себя и других. Иными словами, установки ИК рационализируются как инструменты достижения блага, что делает устаревшими типичные для бизнес-тренингов и школ личностного роста программы формирования «командного духа», приверженности «миссии» фирмы или же следования “self-made” стратегиям. Внешний же контроль за ИК становится и невозможным, и ненужным. В цифровой экономике человек востребован во всех своих проявлениях, и участвует он каждый раз в разных отношениях, так что новый опыт может стать основанием для пересмотра устоявшейся связи между ИК, личностью и ситуацией. Здесь сказывается характерная для современного общества этическая подвижность, тестовый, пробный, характер всякого поведения, обнаруживающий возрастание как рациональности, так и ответственности, то есть в целом неспецифического индивидуализма.

Полагаем, что классическое противопоставление индивидуализма и коллективизма снимается в цифровой среде rationalностью, ориентированной на определяемый самим человеком баланс благ индивидуального и общего. Труд поэтому перестает восприниматься как испытание, долг или следование печальной необходимости — считается нормальным и престижным получать от труда удовольствие. Эта ориентация включает тем самым гедонистический критерий, так что виды активности оцениваются и фильтруются по удовольствию или неудовольствию, которые они могут принести. Деятельность же по формированию

своей разносторонней жизненной активности мотивируется позитивным аффектом. Он является ответом на предъявляемое нам требование стремиться к успеху и признанию, занимать во всех аспектах жизни продвинутые позиции, задействуя для этого всю социокультурную компетентность. Здесь сочетаются движения часто противоположные: надежда на удачу и притязания на рациональность, готовность сотрудничать с другими и эгоистические устремления, поддержание общественной репутации и этическая автономия. Кажется правдоподобным, что такой аффект присущ молодым и средним возрастным группам креативного класса постиндустриальных обществ и кластеров [9, с. 191–194], а наиболее яркое — иногда даже пародийное — его выражение демонстрируют в своей трудовой, досуговой и социально-политической активности так называемые хипстеры, сам же аффект можно назвать *всеохватывающей соревновательной креативностью*.

Заключение

Наше исследование не имело количественного характера и было в большой степени философским, то есть опирающимся на интуицию авторов. Лишь в одной его части авторы обращались к данным из литературы. В качестве заключения выскажем поэтому некоторые резюмирующие положения, которые кажутся правдоподобными и заслуживающими эмпирической проверки. Благодаря эманципации, росту образования, общего уровня культуры, а также распространению цифрового труда происходит возрастание рационализма и неспецифического индивидуализма. Кроме того, цифровизация труда вызывает изменения в сферах воображения и аффектов, результатом чего становится размытие границ реального и виртуального, а также падение интенсивности аффектаций, связанных с непосредственными взаимодействиями. В результате обоих процессов установки индивидуализма и коллективизма перестают быть компонентами социокультурной идентичности и становятся паттернами поведения в конкретной ситуации. Соответствующие им аффективные сборки индивидуальной миссии и разделяемого долга перестают переживаться как мотивы решений и действий, а новым аффективным наполнением труда и иной социальной активности в цифровом обществе становится всеохватывающая соревновательная креативность. Ее переживание необходимо для постоянной деятельности, приносящей не только материальные блага и социальное признание, но и удовольствие. В разных случаях и ситуациях успех становится следствием как коллективистского, так и индивидуалистского в классическом смысле поведения, тогда как постоянное воспроизведение одной из установок невозможно в силу включенности человека во многие и различные виды активности. Таким образом, «арбитром», о котором говорит Аузан и который решает вопрос об индивидуализме и коллективизме, оказывается возрастание рациональности и позитивный аффективный фон ее реализации. По-видимому, в обществах с большой долей цифрового труда измерения по шкале ИК перестают быть информативными, по крайней мере, при их сопоставлении с данными из «доцифрового» периода. Если же наши предположения относительно аффектаций в цифровом труде справедливы, а соревновательная креативность проявляется,

в частности, тогда, когда человек делает выбор между индивидуалистической и коллективистской реакциями, то замеры интереса и безразличия, а также удовольствия и неудовольствия будут в таком случае весьма информативны.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Зябриков Владимир Васильевич — кандидат экономических наук, доцент экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ). Телефон: +7 (812) 363-67-70. Электронная почта: v.v.zyabrikov@spbu.ru

Микиртумов Иван Борисович — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии факультета «Санкт-Петербургская школа гуманитарных наук и искусств» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Телефон: +7 (812) 644-59-11. Электронная почта: imikirtumov@hse.ru

**SOTSILOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. VOL. 31. NO. 4.
P. 175–191. DOI: 10.19181/SOCJOUR.2025.31.4.9**

Research Article

VLADIMIR V. ZYABRIKOV¹, IVAN B. MIKIRTUMOV²

¹ Saint Petersburg State University (SPbSU),
7–9, Universitetskaya nab., 199034, Saint Petersburg, Russian Federation.

² HSE University,
20, Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

COMPETITIVE CREATIVITY INSTEAD OF INDIVIDUALISM AND COLLECTIVISM

Abstract. In this article we question the relevance of Geert Hofstede's opposition of individualism and collectivism in the era of digitalization. The mediatization of labor causes a blurring of the boundaries between the real and the virtual, the reduction of direct interactions leads to familiar affects losing their intensity. We correlate individualism with an affective assemblage of isolation, competition and domination, and collectivism with involvement, friendship and maintaining balance (justice). Their effectiveness is considered as a sign of the relevance of the corresponding attitudes. Based on some data from the literature, we show that it cannot be concluded that digitalization is a trigger for individualism. We point to such additional factors as emancipation, the growth of educational and cultural levels. Their influence, however, is not specific and the attitudes of individualism and collectivism turn into situational patterns of behavior, as they are removed by a higher level of rationality. In the digital environment of work and leisure, their affective assemblies cease to be experienced as elements of identification. The leading affect of advanced groups is turning out to be all-encompassing competitive creativity, which presupposes pleasure from work and displaces the affects of struggle or submission to necessity, testing and duty. The growth of rationality, which digitalization facilitates, removes information content from the opposition of individualism and collectivism, while assessments of interest and indifference, pleasure and displeasure in work and other spheres of activity may be more useful for diagnosing culture.

Keywords: individualism; collectivism; G. Hofstede; competitive creativity; digitalization; affect; rationality.

For citation: Zyabrikov, V.V., Mikirtumov, I.B. Competitive Creativity Instead of Individualism and Collectivism. *Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No 4. P. 175–191. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.4.9

Acknowledgments. The article presents the results of research under the Russian Science Foundation project 25-18-00208 “Existential experience in the digital environment: ‘being to the digital’, the ontology of the virtual and the human self”, carried out at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2025.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir V. Zyabrikov — Candidate of Economical Sciences, Saint Petersburg State University (SPbSU).
Phone: +7 (812) 363-67-70. **Email:** v.v.zyabrikov@spbu.ru
Ivan B. Mikirtumov — Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, HSE University. **Phone:** +7 (812) 644-59-11. **Email:** imikirtumov@hse.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Аузан А.А. Культурные коды экономики: Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа.* М: Изд-во АСТ, 2022. — 160 с.
Ausan A.A. Cultural codes of the economy: How values influence competition, democracy and the welfare of the people. Moscow: AST publ., 2022. 160 p. (In Russ.)
2. *Varoufakis Я. Технофеодализм: что убило капитализм / Пер. с англ. А. Снигрова.* М.: Ад Маргинем Пресс, 2025. — 304 с
Varoufakis Y. Technofeudalism: What Killed Capitalism. Transl. by A. Singirov. Moscow: Ad Marginem publ., 2025. 304 p. (In Russ.)
3. *Иллуз Е. Почему любовь ранит? Социологическое объяснение / Пер. с нем. С.В. Сидоровой.* Москва; Берлин: Директ-Медиа Паблишинг, 2020. — 400 с.
Illouz E. Why Love Hurts: Sociological Explanation. Transl. from Germ. by S.V. Sidorova. Moscow; Berlin: Direct-Media Publ. 400 p. (In Russ.)
4. *Магун В., Руднев М. Базовые ценности россиян и других европейцев (по материалам опросов 2008 года) // Вопросы экономики.* 2010. № 12. С. 107–130. DOI: [10.32609/0042-8736-2010-12-107-130](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2010-12-107-130) EDN: [MWIYFX](#)
Magun V., Rudnev M. Basic values of Russians and other Europeans (based on surveys in 2008). *Voprosy ekonomiki.* 2010. No. 12. P. 107–130. DOI: [10.32609/0042-8736-2010-12-107-130](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2010-12-107-130) (In Russ.)
5. *Малган Д. Саранча и пчела: хищники и творцы в капитализме будущего / Пер. И. Кушнаревой.* М.: Институт Гайдара, 2014. — 400 с.
Malgan D. Locusts and bees: predators and creators in the capitalism of the future. Transl. by I. Kushnareva. Moscow: Gaidar Institute publ., 2014. 400 p. (In Russ.)
6. *Микиртумов И.Б. Время труда и время досуга: отчуждение в эпоху цифровизации // Stasis.* Т. 13. № 1. 2022. С. 38–76.
Mikirtumov I.B. Work time and leisure time: alienation in the era of digitalization. *Stasis.* Vol. 13. No. 1. 2022. P. 38–76. (In Russ.)
7. *Минков М., Соколов Б., Ломакин И. Эволюция модели культурных измерений Хоффстеде: параллели между объективной и субъективной культурой // Социологическое обозрение.* 2023. Т. 22. № 3. С. 287–317. DOI: [10.17323/1728-192x-2023-3-287-317](https://doi.org/10.17323/1728-192x-2023-3-287-317) EDN: [OKFJGC](#)
Minkov M., Sokolov B., Lomakin I. Evolution of the Hofstede Model of Cultural Dimensions: Parallels Between Objective and Subjective Culture. *Sotsiologicheskoe obozrenie.* 2023. Vol. 22. No. 3. P. 287–317. DOI: [10.17323/1728-192x-2023-3-287-317](https://doi.org/10.17323/1728-192x-2023-3-287-317) (In Russ.)
8. *Плампер Я. История эмоций / Пер. К. Левинсона.* М.: Новое литературное обозрение, 2024. — 568 с.
Plamper Ya. History of emotions. Transl. by K. Levinson. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie publ., 2024. 568 p. (In Russ.)
9. *Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Пер. с англ. А. Константинова.* М.: Издательский дом «Классика-ХХI», 2007. — 421 с.

- Florida R. *Creative class: people who change the future*. Transl. by A. Konstantinov. Moscow: Klassika-XXI publ., 2007. 421 p. (In Russ.)
10. Basabe N., Paez D., Valencia J., Rime B., Pennebaker J., Diener Ed., Gonzalez J.L. Sociocultural factors predicting subjective of emotion: a collective level analysis. *Psicothema*. 2020. Vol. 12. Supl. P. 55–69.
11. Bollinger D. The Four Cornerstones and Three Pillars in the “House of Russia Management System”. *Journal of Management Development*. 1994. Vol. 13. Iss. 2. P. 49–54. DOI: [10.1108/02621719410050264](https://doi.org/10.1108/02621719410050264)
12. Boltanski L., Chiapello E. *The New Spirit of Capitalism*. Transl. by G. Elliott. L., N.Y.: Verso, 2007. 601 p.
13. Boutang Y.M. *Cognitive Capitalism*. Transl. by E. Emery. Cambridge: Polity Press, 2011. 307 p.
14. Brown B.A. Primitive Digital Accumulation: Privacy, Social Networks, and Biopolitical Exploitation. *Rethinking Marxism*. 2013. Vol. 25. No. 3. P. 385–403. DOI: [10.1080/08935696.2013.798974](https://doi.org/10.1080/08935696.2013.798974)
15. Camara N., Tuesta D. *DiGiX: The Digitization Index. Working Papers 17/03, BBVA Bank, Economic Research Department*. 2017. Accessed 10.06.2025. URL: <https://www.bbvaresearch.com/en/publicaciones/digix-the-digitization-index/>
16. Chakravorti B., Chaturvedi R.S., Filipovich C., Brewer Gr. *Digital In the time of COVID*. The Fletcher Scholl at Tufts University. December, 2020. Accessed 10.06.2025. URL: <https://digitalplanet.tufts.edu/wp-content/uploads/2022/09/digital-intelligence-index.pdf>
17. Chakravorti B., Chaturvedi R.S., Filipovic Ch., Niu X. *Digital Planet 2025. From the COVID Shock to the AI Surge: How 125 Digital Economies Around the World Are Evolving and Changing*. Tufts University, Lf1 Fletcher, April 2025. Accessed 10.06.2025. URL: <https://digitalplanet.tufts.edu/wp-content/uploads/2025/dei/Digital-Evolution-Index-2025.pdf>
18. *Encyclopedia of Personality and Individual Differences*. Ed. by V. Zeigler-Hill, T.K. Shackelford. Cham: Springer Nature Switzerland, 2020. 5849 p.
19. Fuchs Ch. *Digital Labour and Karl Marx*. N.Y.: Routledge, 2014. 402 p. DOI: [10.4324/9781315880075](https://doi.org/10.4324/9781315880075)
20. Gethin A. Distributional Growth Accounting: Education and the Reduction of Global Poverty, 1980–2019. *The Quarterly Journal of Economics*. 2025. Vol. 140 (4). P. 2571–2618. DOI: [10.1093/qje/qjaf033](https://doi.org/10.1093/qje/qjaf033)
21. *Global Digitalization Index 2024. Building a Fully Connected, Intelligent World*. Huawei, IDC. Accessed 10.06.2025. URL: <https://www.huawei.com/en/gdi>
22. Hofstede G. *Culture’s Consequences: International Differences in Work-Related Values*. Beverly Hills, CA: Sage, 1980. 327 p.
23. Jiao C., Ayob A.H. National culture and digitalization: a moderating effect of trust. *GATR Global Journal of Business Social Sciences Review*. 2025. Vol. 13. No. 1. P. 1–11. DOI: [10.35609/gjbssr.2025.13.1\(1\)](https://doi.org/10.35609/gjbssr.2025.13.1(1))
24. Lee H. *Affective Capitalism. For a Critique of the Political Economy of Affect*. Singapore: Palgrave Macmillan, 2023. 271 p. DOI: [10.1007/978-981-99-8174-8](https://doi.org/10.1007/978-981-99-8174-8)
25. Nelissen R.M.A., Dijker A.J.M., de Vries N.K. Emotions and goals: Assessing relations between values and emotions. *Cognition & Emotion*. 2007. No. 21 (4). P. 902–911. DOI: [10.1080/02699930600861330](https://doi.org/10.1080/02699930600861330)
26. Massumi B. The Autonomy of Affect. *Cultural Critique*. 1995. No. 31: The Politics of Systems and Environments. Part II. P. 83–109. DOI: [10.2307/1354446](https://doi.org/10.2307/1354446)

27. Rantanen T., Toikko T. The effects of individual and cultural factors on digital inclusion in European countries: a two-level regression analysis. *International Journal of Sociology and Social Policy*. 2024. Vol. 44. No. 13–14. P. 146–162. DOI:[10.1108/IJSSP-04-2024-0159](https://doi.org/10.1108/IJSSP-04-2024-0159)
28. Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries. *Advances in experimental social psychology*. Ed. by M. Zanna. N.Y.: Academic Press, 1992. Vol. 25. P. 1–65. DOI: [10.1016/S0065-2601\(08\)60281-6](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60281-6)
29. Simmel G. *Philosophie des Geldes. Erster Band*. Sechste Ausgabe. Berlin: Duncker & Hubmoldt, 1958. 585 p.
30. Tamir M., Schwartz S.H., et al. Desired Emotions Across Cultures: A Value-Based Account. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2016. Vol. 111. No. 1. P. 67–82. DOI: [10.1037/pspp0000072](https://doi.org/10.1037/pspp0000072)
31. Tomkins S. *Affect, Imagery, Consciousness The Complete Edition*. N.Y.: Springer Publishing Company, 2008. 1226 p.
32. Triandis H.C. *Individualism and Collectivism. New Directions in Social Psychology*. Boulder, CO: Westview Press, 1995. 259 p.
33. Triandis H.C. Individualism and Collectivism: Past, Present, and Future. *The Handbook of Culture-&-Psychology*. Ed. by D. Matsumoto. N.Y.: Oxford University Press, 2001. P. 35–50.
34. Virno P. *Grammar of the Multitude. For an Analysis of Contemporary Forms of Life*. Transl. by I. Bertoletti, J. Cascaito, A. Casson. Los Angeles, N.Y.: Semiotext(e), 2004. 117 p.

Статья поступила в редакцию: 13.08.2025; поступила после рецензирования и доработки: 18.10.2025; принята к публикации: 29.10.2025.

Received: 13.08.2025; revised after review: 18.10.2025; accepted for publication: 29.10.2025.